

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.В.Сергиной

город Санкт-Петербург

14 ноября 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.Г.Ярославцева,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации М.П.Беспаловой, представителя Совета Федерации – председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.В.Серегинной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявительницей законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, объяснения представителей стороны, издавшей и подписавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявительница по настоящему делу гражданка И.В.Серегина оспаривает конституционность статьи 46 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которой право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам (часть 1); номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций утверждается Правительством Российской Федерации (часть 2).

1.1. Как следует из представленных Конституционному Суду Российской Федерации материалов, И.В.Серегина с 1990 года работала воспитателем детского сада, в том числе с 1 февраля 2006 года –

воспитателем в муниципальном бюджетном дошкольном образовательном учреждении «Детский сад № 22 городского округа – город Камышин». Согласно справке, выданной ректором федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», в 1992 году она завершила обучение по специальности «математика» в заочной форме обучения, государственную итоговую аттестацию не проходила.

По итогам аттестации 24 декабря 2007 года И.В.Серединой была присвоена вторая квалификационная категория, а приказом министерства образования и науки Волгоградской области от 26 декабря 2012 года установлена первая квалификационная категория сроком на пять лет.

В августе 2017 года заявительница была уведомлена о том, что трудовой договор с ней будет расторгнут, в связи с тем что она не соответствует требованиям, предъявляемым к образованию педагогических работников частью 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»; ей была предложена иная должность – уборщик служебных помещений, от замещения которой И.В.Серединой отказалась. Приказом от 31 августа 2017 года она была уволена по основанию, предусмотренному пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, – возникновение установленных данным Кодексом, иным федеральным законом и исключающих возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности.

Считая свое увольнение незаконным, И.В.Серединой обратилась в Камышинский городской суд Волгоградской области, который решением от 4 декабря 2017 года, оставленным без изменения судами вышестоящих инстанций, отказал в удовлетворении ее исковых требований к муниципальному бюджетному дошкольному образовательному учреждению «Детский сад № 22 городского округа – город Камышин» о признании незаконным и отмене приказа о расторжении с ней трудового

договора, восстановлении ее на работе в должности воспитателя, взыскании в ее пользу среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и возмещении судебных расходов.

По мнению заявительницы, статья 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 1, 2, 17 (часть 1), 18, 19, 37, 54 (часть 1) и 55, поскольку по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, позволяет увольнять педагогического работника в связи с отсутствием у него диплома о среднем или высшем педагогическом образовании, не принимая во внимание осуществление им трудовой деятельности до вступления в силу оспариваемого законоположения, компетентность работника и достаточный практический опыт педагогической деятельности, выполнение им качественно и в полном объеме обязанностей по занимаемой должности.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», проверяя по жалобе гражданина, объединения граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Между тем часть 2 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», закрепляющая полномочие Правительства Российской Федерации по утверждению номенклатуры должностей

педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, не устанавливает условий предоставления права на занятие педагогической деятельностью и не может расцениваться как затрагивающая конституционные права заявительницы.

Следовательно, в силу пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части 2 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в той мере, в какой она служит нормативным основанием для решения вопроса об увольнении воспитателя дошкольной образовательной организации в связи с отсутствием у него среднего профессионального или высшего образования.

2. В Российской Федерации как правовом и социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охраняются труд и здоровье людей (статья 1, часть 1; статья 7 Конституции Российской Федерации). Исходя из того что возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности, Конституция Российской Федерации в числе основных прав и свобод человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, признает свободу труда, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 17, части 1 и 2; статья 37, часть 1).

Свобода труда предполагает обеспечение каждому возможности на равных с другими гражданами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения, которые основаны на личном выполнении

работником обусловленной трудовым договором работы и носят длящийся характер.

2.1. В силу неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции, утверждая приоритет личности и ее прав во всех сферах, Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения и ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. В сфере правового регулирования трудовых отношений это предполагает, в частности, – в соответствии с вытекающими из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 2, 17 (части 1 и 2), 18, 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – обязанность государства гарантировать гражданам, длительное время состоящим в трудовых отношениях и успешно осуществляющим профессиональную деятельность, уважение достоинства и трудовой чести при изменении правового регулирования, с тем чтобы обеспечить учет их прав и законных интересов и не допустить изменения их правового положения исключительно на основе формальных критериев.

Такой подход согласуется и с конституционными принципами равенства и справедливости, из которых вытекает необходимость равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, находящихся в одинаковых или сходных обстоятельствах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П, от 3 июня 2004 года № 11-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П, от 24 октября 2012 года № 23-П и др.).

Следовательно, оценка соответствия выполняемой работе (занимаемой должности) лиц, занятых одинаковой профессиональной деятельностью (занимающих одинаковые должности), должна осуществляться с

использованием одинаковых критериев, позволяющих принимать во внимание результаты профессиональной деятельности работников и их отношение к труду, их деловые качества, а не основываться исключительно на факте отсутствия у работника требуемого профессионального образования, притом что трудовой договор с ним был заключен на основании решения работодателя в рамках действовавшего правового регулирования.

2.2. Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, в правовом социальном государстве, каковым является Российская Федерация, при осуществлении правового регулирования законодатель должен соблюдать баланс интересов как непосредственных участников соответствующих общественных отношений, так и лиц, для которых эти отношения имеют значение (постановления от 24 января 2002 года № 3-П, от 8 июня 2010 года № 13-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 4 июня 2015 года № 13-П и др.).

В сфере образования, в том числе дошкольного, значение имеют не только интересы работников и образовательных организаций, но и – главным образом – интересы несовершеннолетних, создание условий для их личностного развития, самоопределения и социализации, формирования у них готовности к саморазвитию и ответственному отношению к своей жизни на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П подчеркнул особую ответственность педагогических работников, профессиональная деятельность которых связана с реализацией закрепленного статьей 43 Конституции Российской Федерации права каждого на образование, включая дошкольное образование, и с обеспечением благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемой обязанности государства, вытекающей из статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

В силу приведенных конституционных предписаний на государстве лежит обязанность обеспечить такую организацию учебно-воспитательного

процесса в образовательной организации, которая отвечала бы задачам получения качественного и соответствующего современным требованиям образования, гарантируя при этом надлежащую заботу о детях и бережное отношение к ним. Это требует в том числе формирования в каждой образовательной организации высокопрофессионального педагогического коллектива, каждый член которого по своим деловым и нравственным качествам способен участвовать в процессе образования. В целях достижения этой задачи государство вправе установить квалификационные требования, предъявляемые на основе принципа равенства ко всем лицам, которые, реализуя конституционное право на свободное распоряжение своими способностями к труду, избрали в качестве профессиональной педагогическую деятельность.

Такие требования, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, должны быть обусловлены спецификой профессиональной деятельности (постановления от 27 декабря 1999 года № 19-П, от 16 июля 2007 года № 12-П и от 27 ноября 2009 года № 18-П; определения от 24 октября 2013 года № 1592-О и от 22 января 2014 года № 95-О), в том числе педагогической деятельности, заключающейся в непосредственном воздействии на личность ребенка.

3. Часть 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает общие требования, предъявляемые к лицам, поступающим на работу, связанную с осуществлением педагогической деятельности.

Данному законоположению корреспондирует предписание части первой статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающее, что к педагогической деятельности допускаются лица, имеющие образовательный ценз, который определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации в сфере образования.

Предъявление повышенных требований к уровню образования лиц, отвечающих по роду своей деятельности за воспитание и образование

несовершеннолетних, направлено на достижение такой конституционно значимой цели, как защита интересов несовершеннолетних, поскольку детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития личности, на котором закладываются основы моральных и нравственных качеств, формируются мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П). Законодательное введение указанных требований согласуется также с пунктом 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111 1958 года относительно дискриминации в области труда и занятий, предусматривающим, что всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определенной работой, не считаются дискриминацией.

Таким образом, оспариваемое регулирование само по себе, будучи направленным на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и обеспечение им надлежащего уровня образования, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя.

4. По своему предназначению в механизме правового регулирования трудовых отношений часть 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» направлена на исключение замещения должностей педагогов, воспитателей в образовательных организациях лицами, не имеющими профессиональной подготовки соответствующего уровня.

Следовательно, установленные ею требования должны, по общему правилу, применяться при решении вопроса о приеме на работу, поскольку именно на этом этапе оцениваются деловые качества гражданина, его способность выполнять работу по определенной профессии, должности, в том числе наличие профессионального образования. Как следует из подзаконных нормативных актов Министерства образования и науки Российской Федерации, возможность назначения на соответствующие должности педагогических работников лиц, не имеющих среднего

профессионального или высшего образования, не исключается (пункт 23 Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 апреля 2014 года № 276). Такое назначение осуществляется в порядке исключения по рекомендации аттестационной комиссии.

Что же касается периода до вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», то согласно сложившейся практике – в том числе на основании пункта 9 раздела «Квалификационные характеристики должностей работников образования» Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих (утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 года № 761н), которым была предусмотрена возможность назначения на соответствующие должности наряду с лицами, имеющими специальную подготовку и стаж работы, лиц, не имеющих такой подготовки, но обладающих достаточным практическим опытом и компетентностью, выполняющих качественно и в полном объеме возложенные на них должностные обязанности, – лица, не имеющие среднего профессионального или высшего образования, принимались на работу воспитателями дошкольных образовательных организаций, тем более если профессиональную педагогическую деятельность они совмещали с обучением в высшем учебном заведении.

Таким образом, граждане, не имеющие необходимого профессионального образования, могли занимать должность воспитателя дошкольной образовательной организации. При этом их правовое положение в процессе осуществления профессиональной деятельности ничем не отличалось от положения тех работников, которые при приеме на работу в полной мере соответствовали установленным квалификационным требованиям в части наличия профессионального образования соответствующего уровня, поскольку правовой статус работника в трудовых

правоотношениях определяется главным образом выполняемой работой (занимаемой должностью) и условиями труда.

Следовательно, при введении в действие Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не предполагалось, что оценке будет подвергаться наличие требуемого в соответствии с ним профессионального образования у педагогических работников, уже состоящих в трудовых отношениях и успешно осуществляющих профессиональную деятельность.

Этот вывод подтверждается согласованной позицией Министерства образования и науки Российской Федерации и Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации о недопустимости расторжения трудового договора с воспитателем или учителем, который формально не соответствует требованиям части 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», однако принят на работу до вступления в силу указанного Федерального закона (письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 октября 2016 года № НТ-1295/12).

5. Согласно действующему правовому регулированию в сфере труда уровень квалификации лиц, состоящих в трудовых отношениях, их соответствие занимаемой должности, выполняемой работе могут быть предметом проверки в процессе проведения периодической, в том числе внеочередной, или однократной аттестации. При этом работодатель обладает широкими полномочиями, позволяющими ему обеспечить надлежащее исполнение работником трудовых обязанностей, в том числе расторгнуть с ним трудовой договор в случае несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации (пункт 3 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации).

Воспитатель дошкольной образовательной организации, равно как и другие педагогические работники, подлежит периодической аттестации, в процессе которой всесторонне оценивается его трудовая деятельность и делается вывод о соответствии (или несоответствии) занимаемой должности.

Если аттестационная комиссия выносит решение о том, что профессиональные, деловые качества воспитателя дошкольной образовательной организации, не имеющего соответствующего образования, но длительное время осуществляющего профессиональную педагогическую деятельность, позволяют ему успешно выполнять обязанности, возложенные на него трудовым договором, а результаты его профессиональной деятельности оцениваются положительно, нет оснований полагать, что отсутствие у него требуемого уровня профессионального образования создает препятствия для добросовестного исполнения им трудовых обязанностей и, следовательно, нарушает интересы детей и их законных представителей.

Соответственно, для обеспечения эффективной организации трудового процесса в сфере дошкольного образования нет необходимости использовать иные правовые механизмы, которые без учета мнения работодателя и аттестационной комиссии допускают прекращение трудовых отношений с работником исключительно по формальным основаниям. В противном случае допускалось бы увольнение работника без учета его реальной способности осуществлять профессиональную деятельность, обусловленную заключенным трудовым договором, правовой природы трудовых отношений, основу которых составляет выполнение трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя, а также интересов и полномочий работодателя, который, как это следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, вправе самостоятельно, под свою ответственность принимать необходимые кадровые решения по подбору, расстановке и увольнению работников (Постановление от 24 января 2002 года № 3-П).

Согласно представленным материалам, на момент вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (1 сентября 2013 года) заявительница состояла в трудовых отношениях и, несмотря на отсутствие среднего профессионального и высшего образования, была по итогам аттестации признана соответствующей должности «воспитатель»;

приказом министерства образования и науки Волгоградской области от 26 декабря 2012 года ей была присвоена первая квалификационная категория, установленная по итогам аттестации сроком на пять лет. Таким образом, согласно пункту 30 Порядка аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 марта 2010 года № 209), действовавшего до вступления в силу приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 апреля 2014 года № 276, И.В.Серегина была признана педагогическим работником, который владеет современными образовательными технологиями и методиками и эффективно применяет их в практической профессиональной деятельности, вносит личный вклад в повышение качества образования на основе совершенствования методов обучения и воспитания, имеет стабильные результаты освоения обучающимися, воспитанниками образовательных программ и показатели динамики их достижений выше средних в субъекте Российской Федерации. Сомнений в ее способности осуществлять педагогическую деятельность по занимаемой должности не возникало, не исключено, что в том числе и по причине завершения И.В.Серегиной в 1992 году обучения по образовательной программе высшего профессионального образования без прохождения государственной итоговой аттестации, что согласно действовавшему ранее правовому регулированию признавалось в качестве первого уровня высшего профессионального образования, т.е. неполным высшим образованием (абзац первый пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», утративший силу в связи с принятием Федерального закона от 24 октября 2007 года № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)»; пункт 3.1 государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 12

августа 1994 года № 940, утратившим силу в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 21 января 2005 года № 36).

Таким образом, реализация оспариваемого законоположения в части требований к уровню образования педагогических работников, на момент вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (1 сентября 2013 года) уже допущенных к профессиональной педагогической деятельности и осуществлявших ее в течение длительного времени, не могла игнорировать подтвержденную подзаконными нормативными актами Министерства образования и науки Российской Федерации практику и необходимость – в соответствии с конституционными требованиями – обеспечить всем работникам, занимающим одинаковые должности, равное отношение при оценке их соответствия занимаемой должности (выполняемой работе). Следовательно, само по себе отсутствие у таких педагогических работников соответствующего образования не может служить причиной увольнения их с работы, если они успешно осуществляют профессиональную педагогическую деятельность.

6. Увольнение И.В.Серегиной произведено в 2017 году, через четыре года после вступления в силу оспариваемого законоположения, и связано в том числе с введением в действие профессиональных стандартов.

6.1. Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 236-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» в трудовое законодательство было введено понятие профессионального стандарта – характеристики квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности (часть вторая статьи 195¹ Трудового кодекса Российской Федерации), а Федеральный закон от 2 мая 2015 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закрепил правило о

том, что профессиональные стандарты обязательны для применения работодателями, если данным Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции (часть первая статьи 195³ Трудового кодекса Российской Федерации).

Порядок разработки и утверждения профессиональных стандартов, а также установления тождественности наименований должностей, профессий и специальностей, содержащихся в едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий рабочих, едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих, наименованиям должностей, профессий и специальностей, содержащимся в профессиональных стандартах, отнесен к компетенции Правительства Российской Федерации, которое устанавливает указанные правила с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (статья 195² Трудового кодекса Российской Федерации).

В связи с введением в трудовое законодательство понятия профессионального стандарта и принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» федеральными законами от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и от 22 декабря 2014 года № 443-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в части совершенствования механизмов регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций, их заместителей» в часть первую статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации были внесены изменения, закрепившие,

что к педагогической деятельности допускаются лица, имеющие образовательный ценз, который определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации в сфере образования.

Таким образом, наряду с общим требованием к образованию педагогических работников, установленным оспариваемым законоположением, стали действовать профессиональные стандарты. В частности, приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 года № 544н был утвержден профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», предусматривающий в качестве требований к образованию и обучению по должности «воспитатель» наличие высшего образования или среднего профессионального образования в рамках укрупненных групп направлений подготовки высшего образования и специальностей среднего профессионального образования «Образование и педагогические науки» либо высшего образования или среднего профессионального образования и дополнительного профессионального образования по направлению деятельности в образовательной организации. При этом требования к опыту практической работы названным стандартом не предъявляются.

В отличие от Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих профессиональный стандарт не предусматривает исключений для лиц, не отвечающих квалификационным требованиям к уровню образования, но обладающих достаточным практическим опытом и компетентностью, выполняющих качественно и в полном объеме возложенные на них должностные обязанности.

6.2. Данный профессиональный стандарт применяется работодателями при формировании кадровой политики и в управлении персоналом, при организации обучения и аттестации работников,

заключении трудовых договоров, разработке должностных инструкций и установлении систем оплаты труда с 1 января 2017 года (пункт 2 приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 года № 544н с учетом приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25 декабря 2014 года № 1115н).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2016 года № 584 «Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности» установлено, что профессиональные стандарты в части требований к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, применяются в том числе государственными и муниципальными учреждениями поэтапно на основе планов по организации применения профессиональных стандартов и реализация этих планов должна быть завершена не позднее 1 января 2020 года. При этом такой план должен содержать, кроме прочего, сведения о потребности в профессиональном образовании, профессиональном обучении и (или) дополнительном профессиональном образовании работников, полученные на основе анализа квалификационных требований, содержащихся в профессиональных стандартах, и кадрового состава организаций, и о проведении соответствующих мероприятий по образованию и обучению в установленном порядке.

Как указывает Профессиональный союз работников народного образования и науки Российской Федерации, дата вступления в силу

конкретных профессиональных стандартов означает, что может быть начата организация работы по их применению, а дата, указанная в постановлении Правительства Российской Федерации от 27 июня 2016 года № 584 (1 января 2020 года), – это завершение организации работы по их применению, т.е. поэтапность предполагает наличие достаточно длительного организационного периода, в течение которого должны быть реализованы плановые мероприятия (приложение к письму Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации от 10 марта 2017 года № 122).

Согласно изложенной в письме от 22 апреля 2016 года № 14-3/В-381 позиции Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, являющегося федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в том числе в сфере труда, вступление в силу профессиональных стандартов не является основанием для увольнения работников. В этом же письме отмечается, что при применении квалификационных справочников и профессиональных стандартов лица, не имеющие специальной подготовки или стажа работы, установленных в разделе «Требования к квалификации», но обладающие достаточным практическим опытом и выполняющие качественно и в полном объеме возложенные на них должностные обязанности, по рекомендации аттестационной комиссии назначаются на соответствующие должности так же, как и лица, имеющие специальную подготовку и стаж работы.

Следовательно, как цель введения профессиональных стандартов, в частности в сфере образования, так и их предназначение в механизме правового регулирования не предполагали увольнения с работы лиц, не соответствующих в полной мере квалификационным требованиям к образованию, но успешно выполняющих свои трудовые обязанности, в том числе воспитателей дошкольных образовательных организаций. Решение вопроса о продолжении профессиональной деятельности должно

осуществляться с учетом длящегося характера трудовых отношений на основе осуществляемой в ходе аттестации оценки способности работника выполнять порученную ему работу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 7 (часть 1), 17 (части 1 и 2), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1) и 37 (часть 1), в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, – используется в качестве обоснования прекращения трудового договора с воспитателями дошкольных образовательных организаций, принятыми на работу до вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», успешно осуществляющими профессиональную педагогическую деятельность и признанными аттестационной комиссией соответствующими занимаемой должности.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части 2 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

3. Правоприменительные решения, принятые по делу гражданки Серegiной Ирины Васильевны, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 41-П

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
К.В.Арановского**

Не отрицая доводов, которыми Конституционный Суд Российской Федерации обосновал Постановление по делу о проверке части 1 статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», нахожу определяющим для дела нижеследующее.

Оспариваемые законоположения касаются в том числе воспитателей детского сада, обязывая всех педагогов иметь удостоверенное дипломом профессиональное (среднее или высшее) образование и соответствовать описаниям квалификационного справочника или профессионального стандарта. Это значит, что принятого уже на работу воспитателя следует уволить, как была уволена И.В.Серегина, если у него нет диплома или документа о соответствии квалификационным требованиям.

Такие требования не позволяют придать решающее значение законным интересам детей, их родителей, дошкольного учреждения и самого воспитателя, когда все заинтересованные стороны хотели бы продолжать воспитательно-педагогические правоотношения, имея к тому весомые основания. Представляется весомым, например, и заслуживает уважения стаж, который

заявительница провела как воспитатель, более четверти века доказывая свою пригодность к этой работе, умение обращаться с детьми и поддерживать нормальные отношения с родителями и работодателем. Заявительница к тому же отчасти обеспечена документами о длительных своих контактах с профессиональным образованием, которые прошли, надо думать, бесполезно и в конечном счете не навредили профессиональным и личным способностям, таким как эмпатия, терпение, интуиция, достоинство, порядочность и ответственность. Проходила она и аттестации, и курсы с отметками и категориями, т.е. все-таки исполняла документально-ритуальную часть в отношениях с профессионально-образовательной системой.

Той, однако, мало знаков лояльности, и силой оспариваемого законодательства она требует, чтобы решающее значение имели ее дипломы, сертификаты и все им подобное, что подразумевает, между прочим, денежный интерес участников системы, а не только подчинение педагогов, воспитанников и родителей ее стандартам и административным изъяснениям. Это определяет условия действия конституционных установлений о социальном государстве и сказывается на осуществлении ряда прав и свобод человека и гражданина, что и было установлено в Постановлении по настоящему делу.

Следовательно, в конституционно-правовой оценке оспариваемых законоположений нужно убедиться в том, прежде всего, что у системы профессионального образования, как ее теперь знают в общеизвестных фактах, есть основания настаивать на своих строгостях, если ценой тому ограничения конституционных прав и законных интересов.

Положительный для нее ответ можно искать и получить, если станет ясно, что ее дипломы уверенно доказывают хорошую подготовку к профессии. Тогда, пожалуй, у граждан будут резоны согласиться с тем, что диплом вуза или колледжа образует необходимое условие, с которым только и можно состоять в профессии и, в частности, быть воспитателем детского сада. Тогда, наверное, можно доказывать и пользу от увольнения

заслуженных, но бездипломных воспитателей. Правда, и тогда придется все равно выяснять, вправду ли именно старшие педагоги без дипломов плохо обращаются с детьми, а строгое применение образовательных цензов сейчас либо в понятном будущем позволяет защитить младшее поколение и всю педагогику от некомпетентных воспитателей, следуя целям, поименованным в части третьей статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Если такие эффекты (положительные и/или защитные) гарантированы, то можно, наверное, обсуждать исключительные права, которые следовало бы системе вручить (оставить), чтобы она, по сути, решала, кому быть в профессии, а кого уволить за неимением полученных от нее документов. Этой монополией можно было бы в какой-то мере связать и ограничить свободу труда, которую Конституция Российской Федерации признает в праве каждого распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1), предполагая договорный характер труда в том смысле, что работу по профессии, специальности, квалификации или должности определяет прежде всего согласованный сторонами трудовой договор, а специальные условия получения работы федеральный закон устанавливает лишь постольку, поскольку это реально предопределено какими-то ее особенностями (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 года № 19-П и от 15 марта 2005 года № 3-П; определения от 12 июля 2006 года № 263-О и от 7 июня 2011 года № 767-О-О).

Рассуждая предметно и отправляясь в этом русле прямо от случая заявительницы, заметим, что, например, Волгоградский государственный педагогический институт, где И.В.Серегина училась на математика, был вузом сугубо советского происхождения (1931 г.) с довольно известными именами, педагогическими школами и даже «экспортировал» образцы просвещения в социалистическое, правда, зарубежье, что отмечено чехословацкой наградой. К 1992 году, когда заявительница его оставила, этот институт, не состоявший в европейской университетской традиции, подобно Московскому, Казанскому и другим университетам старшего поколения,

вошел в полосу экспериментов, начиная со смены титула. Считать, что с падением Советов этот вуз вполне уцелел и, возведенный в ранг университета (педагогического, социально-педагогического), успешно развивался и выдавал надежные дипломы, несколько мешают «признаки неэффективности», которые выявило в нем Минобрнауки России по мониторингу за 2012 год¹. Эти признаки следовало бы принять за безвредную частность, которую вуз миновал на другой уже год, но Министерство приказом от 30 декабря 2015 года № 1558 решило присоединить ВГСПУ к ВГУ и этим косвенно поставило под сомнение целесообразность его существования. Потом и этот приказ Министерство отменило приказом от 21 декабря 2016 года № 1630, но приказы не отменяют уже посеянные сомнения. Беспокойная судьба вузов едва ли добавляет доверие к их дипломам и вряд ли убеждает в том, что дипломы эти неизменно и надежно сертифицируют квалификацию. При неясностях репутации диплом вряд ли надежнее, чем стаж и личная профессиональная репутация педагога, притом что детский сад и без диплома согласен иметь с ним дело, а родители не боятся поручить ему воспитание своих детей. Вот и Конституционный Суд Российской Федерации посчитал, что, хотя И.В.Серегина и осталась без диплома ВГСПУ, увольнять ее по этой именно причине необязательно.

Но, чтобы не сводить все к отдельному вузу, который не закончила заявительница, заметим, как заметило Правительство Российской Федерации в Распоряжении от 6 сентября 2011 года № 1540-р (пункт 4 раздела V; ред. от 26 декабря 2014 года), что во всем Центральном федеральном округе «высшим учебным заведениям предстоит найти свое место в вертикальной цепочке образовательных услуг...» и «в системе высшего профессионального образования на долгосрочную перспективу запланирован перевод высших учебных заведений в режим автономных учреждений». Иначе говоря, в большом федеральном округе неясности касаются не только ВГСПУ, но всей системы, в которой вузы пока что «ищут место» в структурах вертикальной

¹ Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования // https://минобрнауки.рф/пресс-центр/2774/файл/1265/12.10.31-Мониторинг_Результаты.pdf.

ориентации и пока его не нашли и не выбрали, но будут искать до 2020, может быть, года, а то и дальше.

И не в одном, конечно, округе, а значительно шире состояние профессионального образования выглядит очень динамично, если не драматично. Видные участники этой системы прямо сейчас извещают общественность о том, что при Правительстве действует межведомственная группа, и по итогам ее работы, возможно, «вузы разделят на три разряда», меняя (который уж раз) правила их аккредитации. По новым правилам вузы предстанут в базовой, продвинутой и ведущей версиях, с тем чтобы базовые (их большинство) вели преподавание онлайн-курсами². Это приблизит их, с одной стороны, к советским периферийным учебно-консультационным пунктам (УКП) и весьма неудачному дистанционному обучению, а с другой – к интернет-пунктам с тематическим уклоном и с выдачей дипломов, которые войдут, наверное, в стоимость услуги. Вероятно, дело не обойдется без сетей с рейтингованием среди вузов-ячеек внутри пирамидальной структуры, которой понадобятся коучинг по привитию компетенций, не исключая тимбилдинга, гастроли больших знатоков тренинга и еще многое из того, что изначально сложилось в сетях и сектах, в практике проповеди, перформанса и групповой психотерапии, а потом далеко разошлось по разным видам занятий. Ведущим вузам, случись это все, придется исполнять функции студии, где заказывают, производят, испытывают онлайн-продукты, а потом через «продвинутых» участников сети демонстрируют и распространяют по рядовым (базовым) вузам.

Считать совсем безнадежными такие начинания не стоило бы, имея в виду состоявшиеся, пусть и недолговечные большей частью, сетевые структуры и поветрия, пирамиды и клубы, где посвященных вовлекают в закрытое знание и технику лидерства, в массовые практики успеха, обогащения и исцеления. Подобного рода реконструкции в образовании не исключены, во всяком случае в попытке, как и смещение приоритетов от науки и профессии к наставлениям по гражданственности.

² Вузы разделят на три разряда // Коммерсантъ. № 182. 5 октября 2018 г. С. 4.

Только не все согласятся видеть в таких изводах рост учености и гарантию качественного образования и диплома, с которым за профессию можно ручаться. Не все ведь считают успехом внедрение болонской системы, не каждый верит в то, что она дает убедительное качество и, тем более, международное признание российским дипломам, как обещали когда-то. Иные из профессиональных участников и потребителей образования обошлись бы без «болонского» переустройства, как обошлись без него большей частью немецкие, например, университеты или чешский Карлов университет. Иные предпочли бы истратить на достойную оплату преподавательского труда и науку те неисчислимы средства, силы и время, которыми оплачены были министерская решительность, инициативы ректоров и энтузиазм активистов. Блеск бакалавриата-магистратуры впечатляет не всех и пока что не доказывает высокую ценность отмеченного им образования. Так в смене титулов с института на академию, а потом на университет видят больше конъюнктуры и «забавного важничанья», нежели признаки академического достоинства. Так и переименование няни в «помощника воспитателя», а воспитателя в «педагога учреждения дошкольного образования» представляет собой в лучшем случае снижение качества речи, а в худшем – усиление в педагогике казенных начал, что не сулит ничего хорошего детскому саду.

Но положим, что образование со всем этим справилось, а новые переустройства останутся, как бывало, в инициативах без продолжения и все в этот раз обойдется умеренными расходами на малые административные эволюции. Однако и симптомов высокой подвижности достаточно, чтобы система профессионального образования выглядела неустойчиво – так, будто ему предстоят капитальные перемены. Сама их перспектива оставляет впечатление нестабильности и этим внушает сомнения в постоянстве качества образовательной продукции. Ведь реконструкции чреватые не только прогрессом, но и долгим расстройством. Для многих вузов это откладывает на будущее веру в их дипломы, отнимает материальные к тому основания, а без нее сомнительны и ограничения конституционных прав.

Больше всего сомнений создает ведомственная свобода в распоряжении структурами и стандартами образования, притом что эту свободу вручают администраторам сами вузы своей готовностью инициировать образовательные реконструкции или поддержать, поощрить к ним начальство. В таких вузах, кажется, преподавательские сообщества не настаивают на автономии и готовы уступить ответственность за свое дело административной дискреции, все ей позволить и соучаствовать даже в отчаянно рискованных преобразованиях.

Но, может быть, монополию на допуск к профессиям следовало бы поддержать авансом, просто из доверия к вузам, колледжам, лицам с надеждой на их ответственность и с верой в хорошее будущее. Тогда заблаговременно и впрок стоило бы защитить всеобщую обязательность дипломов, стандартов, курсов с тем расчетом, что принудительный спрос на них даст учебным заведениям стабильный хороший доход и они в благополучии достойно оплатят работу преподавателей, а их дипломы со временем дойдут до стабильно высокого качества.

Но такие расчеты больше не убедительны, потому что улучшения в образовании длятся лет тридцать, а результаты их все еще спорны. У представителя Правительства Российской Федерации есть причины говорить о «левых вузах» и необходимости с ними покончить, как он говорил на слушании по настоящему делу.

Настало, видимо, время подождать, чтобы сначала профессиональное образование по большинству вузов уверенно и непрерывно предъявляло от себя хорошее качество дипломов, и лишь затем вручать ему заслуженную монополию. Тогда, впрочем, отпадут, может быть, поводы обставлять его привилегиями и монополия станет лишней, если образовательные документы будут столь надежны и хороши, что странно и неприлично будет брать на работу или держать на ней бездипломных лиц без крайней на то нужды в редких случаях, которые можно и потерпеть.

Вручать системе защищенные законом доходы нерасчетливо без уверенности в том, что они пойдут во благо именно образованию. За

прожитое в реформах время система так их распределяла, что вряд ли это хорошо сказалось на благополучии большинства преподавателей и на профессиональном их достоинстве. Преподавателю не много достанется, пока он не получит какую-нибудь платную роль в управляющей части или при ней как эксперт, исполнитель полезных работ и просто активист. Даже при неплохих доходах вузы неважно платят преподавателям, и ощутимо прирастить свой бедный заработок они могут, прежде всего, за участие в статистике и аттестационных показателях, за отчетность о применении «компетентностных» технологий (вместо ветхих академических), за соискание грантов и за рейтинги, за эффективную инициативу, «графики» и мониторинги, т.е. за все, что дорого менеджменту, чем он живет и что обеспечивает ему контроль над образованием, гарантирует признание, положение и перспективу. Для симбиоза с ним преподавателю нужны особые навыки, включая искусство правильно писать заявки и резюме, размещать их по ведомствам, сопровождать аккредитации приятными цифрами, а вместо репутации ученого педагога наращивать индексы цитирования, отчего угрожающе растут когда-то безвредные и забавные самоцитирование и «перекрестное опыление» цитатами. От преподавателя в такой обстановке ждут не науки, учебных работ и текстов, а методических комплексов, пусть даже они никому не нужны, кроме начальства и активистов. Все это увлекает кого-то и обеспечивает комфортное присутствие в системе, но малополезно собственно в образовании. К тому же система и без преподавательского соучастия умеет потратиться на свои проекты, на их презентации и грандиозные переустройства, на содержание служб и служащих по ведомствам, ректоратам и дирекциям.

И если доходы образовательной системы львиной долей обслуживают большей частью ее самое, то ими нельзя оправдать образовательную монополию.

Там, где вузы уступают менеджменту самоуправление, академический стиль и свободу, они становятся местом «субординации и выслуги лет», делопроизводства и административной решимости, которые преобладают над

учебой и наукой и ради которых нет смысла сохранять и наращивать исключительные права, с которыми система выдает платные, в том числе оплаченные бюджетом, разрешения на профессию. Для этих целей положения Конституции Российской Федерации, ее статьи 2, 7, 17, 18, 34, 37, часть 3 статьи 55 и даже часть 5 статьи 43, не разрешают ставить ограничительные условия социальной государственности и свободе граждан.

Это значит, что со строгой обязательностью дипломов нужно повременить. В дальнейшем, если понадобится, в ее обосновании должны участвовать доказательства того, что вузы восстанавливают автономию и административное попечение в них слабеет, что в разных сферах и областях образования административные службы стали малолюдными от сокращения штатов, структур и отпадения функций, прекращения методических руководств и делопроизводства. Нужно будет убедиться в том, что образование усвоило административный иммунитет и в нем стали редкими слияния вузов, странным и необычным стало менять их разряды и титулы, создавать кафедры размером с факультет, а на месте факультета учреждать что-нибудь многозначительное вроде «школы» или «направления», что в министерствах, агентствах и ректоратах некому все это выполнять. Печальным, но верным признаком роста вузовской автономии на первых порах должна быть естественная кончина многих безнадежных вузов, оставшихся без административного попечения, а затем постепенная стабилизация числа профессионально-образовательных заведений.

Вузовская автономия, конечно, не единственное, но обязательное условие. Поэтому, если трактовать ее как благопожелание и считать, что университеты с универсантами к автономии больше не способны, то нереальны и расчеты на хорошее образование. Даже Петр I, пристрастный к администрированию, не сомневался в том, что «науки подчинения терпеть не могут», а Н.И.Пирогов полагал единообразие несовместимым с «автономическим университетом»³ и утверждал, что «автономия и чиновничество нейдут вместе...», что «в науке есть своя иерархия;

³ См.: Университетский вопрос // Вестник Европы (237). Т.1. СПб., 1906. С. 1, 15.

сделавшись чиновною, она теряет свое значение»⁴. Так и теперь, например, образовательные стандарты, предусмотренные Конституцией Российской Федерации (часть 5 статьи 43), ведомство и активисты-преобразователи трактуют как требования (документы, формы и т.п.) и не умеют иначе их представить в законопроектах и распоряжениях, хотя такая интерпретация по меньшей мере не предрешена и в образовании стандарт надо было бы понимать как состоявшийся, сложившийся образец, установленный и убедительный в значении эталона, скорее ориентирующего, нежели исключительного и строго обязательного.

Конституционный Суд Российской Федерации видит в автономии вузов основополагающее начало их деятельности, которое определяет их отношения с государством и государственную политику в области образования (Постановление от 27 декабря 1999 года № 19-П); Суд констатировал, что автономия оправдала себя исторически в общеевропейской университетской традиции, и связал ее с целями социального государства, свободой научного, технического и других видов творчества, преподавания, с правом каждого на образование и с другими конституционными ценностями, которые следуют из положений статей 7, 17, 18, 43 (части 1 и 5), 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации; Суд допустил ограничения автономии государственных и муниципальных вузов со стороны органов публичной власти лишь в конституционно значимых целях и постольку, поскольку они на правах учредителя контролируют соответствие деятельности вуза его уставным целям (Определение от 7 июня 2011 года № 767-О-О). Образовательное законодательство в общем следует этим принципиальным условиям, и, в частности, статья 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» признает автономию образовательных учреждений в единстве с академической свободой в поиске истины со свободным ее изложением и распространением преподавателями под их профессиональную

⁴ См.: Кропотова Н.В. Николай Иванович Пирогов об университетской культуре: Что изменилось за полтора века? // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7 // <http://web.snauka.ru/issues/2016/07/70077>.

ответственность, а не по административной вертикали. Из того же исходит статья 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», причисляя к принципам государственной политики и правового регулирования свободу педагога в определении форм и методов обучения и воспитания, адаптивность к интересам человека, автономию образовательных организаций, академические права и свободы педагогов и обучающихся (пункты 7, 8, 9). Исполнение этих положений сомнительно, если система отвлекает участников образовательного дела на обслуживание своих стандартов и требует уважать свои интересы, а сама не уважает интересы и принципы, которым обязана служить.

Иначе говоря, без автономии вузов бесперспективно и незачем тратить мощь закона на обязательность дипломов. Постановление и мнение по настоящему делу в итоговой части сходятся – дипломы, каковы они есть в существующем профессиональном образовании, не имеют бесспорного предпочтения даже в педагогике, если есть умелый, способный к профессии человек. Участникам образовательной вертикали имеет смысл учесть, что иные из граждан, включая работодателей, заказчиков, потребителей, не настаивают на необходимости дипломов, а те, кто решил повременить с их получением и не согласен с образовательным цензом, иногда обратятся за правосудием в защиту конституционных прав. Перевес в такого рода спорах, судя по делу И.В.Серединой, образовательным цензам не гарантирован.

И отдельно заметим как особенность момента, что система выглядит несправедливо и ведет себя особенно нерасчетливо, прилагая строгости к педагогам старшего поколения и совсем упуская, что было время, когда они бескорыстным трудом поддерживали то самое воспитательно-образовательное дело, которым система теперь живет. Но системы и участники систем решают не все, а Конституция Российской Федерации разумна и справедлива.